

КОСВЕННОСТЬ КАК ЧЕРТА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Существенным при характеристике любой языковой картины мира (в дальнейшем - ЯКМ) параметром является удельный вес косвенно выраженного в ней содержания. Имеются довольно разрозненные пока наблюдения над тем, что именно, по какой причине и с помощью каких языковых механизмов "уходит" в сферу непрямого обозначения. Во-первых, косвенными называют некоторые способы представления референта в слове. В этом случае речь идет о понятии косвенной номинации, в рамках которой рассматривают, в частности, тропы [Языковая номинация. Общие вопросы. 1977]. Во-вторых, косвенность связывается с интенциональным уровнем высказывания (косвенные высказывания в теории речевых актов, речевые маски жанров и косвенные тактики в современной жанрологии). Современный интерес к прагматике текста обусловил активное развитие именно этого направления. Недаром в одной из последних работ, посвященных проблеме косвенности, отмечается, что понятие косвенного речевого акта, принадлежащее теории речевых актов, "остаётся фактически единственной общеупотребительной единицей научного аппарата теории косвенности" [Дементьев, 1999. С. 38].

Интегрирующими идеями теории косвенности на нынешнем этапе ее развития могут быть признаны следующие положения. Косвенность имеет прагматическую природу: предполагает намек со стороны говорящего, который может быть услышан или не услышан адресатом. При этом косвенные высказывания, как правило, активизируют в реципиенте логические механизмы восприятия, тропы ассоциативные. Намек нельзя выразить стандартно, поэтому косвенность всегда связана с некоей коммуникативной аномалией, отступлением от конвенции [см: Долинин, 1983]. По этой причине из поля косвенности уходят стершиеся метафоры, узуальные эвфемизмы. Отмечаемый в литературе факт быстрой смены эвфемистических обозначений "некодифицируемого" референта [Русский язык конца XX столетия, 1997. С. 403] связан именно с тем, что, получая распространение в узусе, эвфемизм перестает быть намеком. В Цитируемой работе [Дементьев, 1999] сделана интересная попытка представить присущую косвенности неканоничность в форме диад, члены которых являют собой элементы несоответствия.

Далее. Косвенность всегда предполагает усложнение смысла. Последнее возникает из-за того, что эксплицитная часть информации, хотя и находится не в фокусе, не устраняется из общения совсем. Косвенные номинации

увеличивают количество вводимых в коммуникацию интенционалов. В следующем примере дополнительный интенционал соотносится с внутренней формой слова: "Комсомольская правДА!" В косвенном речевом акте реализуется одновременно несколько интенций:

— *Пойдешь на "На-на"?*

— *Я их не люблю* (сообщение и отказ).

Традиционные косвенность-содержащие жанры включают в коммуникацию второй текст, представляющий собой, как правило, перевод с образного языка на безобразный (интерпретация пословиц, мораль басен и т.д.). Для современного языкового сознания, характеризуемого как "цитатное", "постмодернистское", актуальными оказываются такие косвенность-содержащие жанры, в которых второй текст не конструируется адресатом, а, будучи прецедентным феноменом, узнается им (всевозможные переделки).

Наконец, есть основания утверждать, что косвенность имеет отношение к периферийным явлениям языка и коммуникации. Самое очевидное проявление этой связи - актуализация импликационала лексического значения слова как один из механизмов косвенной передачи смысла (см. пример: "*Ну ведь ты же женщина!*", - где в зависимости от конситуации могут актуализироваться такие периферийные семы, как "слабость", "гордость" и т.д.). Пример показателен и в том смысле, что на периферии значения здесь находятся коннотативные семы. В оппозиции денотативного и коннотативного второй элемент значения в типичном случае находится на периферии. Указанная оппозиция внутри лексического значения отражает более общую оппозицию информативной и фатической функций языка [Мурзин, 1998], информативного и фатического замыслов [Винокур, 1993]. По имеющимся наблюдениям [Винокур, 1993; Дементьев, 1997], фатика более приспособлена к косвенному способу выражения, чем информатика, и именно фатику опять-таки рассматривают как периферию языка [Мурзин, 1998]. Здесь необходимо заметить, что периферийное положение фатического поля в системе языка не означает его меньшую значимость в коммуникациях, а проявления косвенности гораздо более глобальны, чем можно предположить. Имеет смысл согласиться с французскими стилистами, которые утверждали, что дискурс без намеков, в котором "под кошкой имеется в виду кошка", не является частью того языка, на котором мы говорим [Дюбуа и др., 1986].

По имеющимся к настоящему времени сведениям, национальные картины мира (русскую, японскую и т.д.) характеризует разная степень их "прямоты". То же обнаружено применительно к внутринациональным речевым культурам. Доказано, например, что женщины в целом чаще используют косвенные высказывания, чем мужчины; носители диалекта более откровенны, чем говорящие на литературном языке. Основаниями

для выделения внутринациональных речевых культур является отношение их носителей к власти и даже разделяемая ими идеология. О том, что власть и оппозиция говорят (в прямом смысле слова) на разных языках, писали Р. Барт, А. Вежбицка, Н.А. Купина, А.К. Михальская, авторы коллективной монографии "Русский язык конца XX столетия (1985 -1995)". В.И. Жельвис, анализируя инвективы в политической речи, отмечает, что "в отношении к этой проблеме нельзя не заметить определенных идеологических предпочтений" [Жельвис, 1999. С. 150]. Есть основания полагать, что энкратический и акратический (по Р. Барту), "коммунистический" и "демократический" языки по-разному и в разной мере используют и косвенность.

Проанализируем в обозначенном аспекте язык изданий КПРФ. В качестве материала использовалась центральная газета "Правда России" и омская газета "Красный путь". Исходя из экстралингвистических составляющих рассматриваемых дискурсов можно предполагать, что генетически язык изданий КПРФ восходит к так называемому тоталитарному языку с его установкой на официальный тон, неприятием языковой игры, а значит, меньшей степенью косвенности. В то же время в 90-е годы статус бывшего тоталитарного языка изменился: из энкратического он превратился в акратический, т.е. оппозиционный по отношению к власти. Интересно было бы выяснить, к каким последствиям это привело.

Прежде всего, в новых условиях коммунистическая пресса не может игнорировать язык оппонента - сегодняшний "язык власти", отчасти транслируемый демократическими изданиями (для сопоставления были¹ использованы центральные издания "Аргументы и факты", "Новая газета", "Московский комсомолец" и местная газета "Ваш ореол"). Некоторые черты этого языка (тяготение к языковой игре, ироничность, стилистическая сниженность вплоть до выхода за границы литературности) были свойственны антитоталитарному языку доперестроечного времени, но в прежних социальных условиях никак не отражались в официальных дискурсах.

Реакцию на язык оппонента в сегодняшней коммунистической прессе можно охарактеризовать как дистанцирование. В наиболее явной форме его демонстрируют кавычки. Частотность данного ксенопоказателя в изданиях КПРФ явно превышает нулевой уровень (зуальную норму).

Во-первых, в кавычки заключается экономическая и политическая лексика, принадлежащая "чужой" концептуальной системе. Примечательно, что лишь часть ее имеет в этой системе положительную ауру: *либеральная модель, радикальные реформы, гарант, демократ, новая Россия*:

Манежная площадь стала воплощением "новой России" ("Правда России"). Функция ксенопоказателя здесь заключается в изменении аксиологического знака на противоположный. Другая часть закавыченных слов

(*олигархи, харизма, электорат и т.д.*) не обладает положительной коннотацией. Дистанцирование от чужой концептуальной модели и ее языка здесь наиболее заметно. Скажем, олигархов не жалуют и в демократической прессе, но там это слово не закавычивается, будучи "своим". Ср. в "Правде России":

Прокуратура перестанет быть игрушкой в руках проворовавшихся "олигархов".

Иногда кавычки отменяют аксиологический минус, который характеризует единицу в "чужом" языке. Выражение *советская империя*, снабженное ксенопоказателем, в газете "Правда России" прочитывается как *могучая держава*:

Не получится это у истощенного разрушительной для страны борьбой с "советской империей" престарелого господина.

Во-вторых, при закавычивании используются ресурсы "своего" языка: *отеческая забота, рачительный хозяин, бескомпромиссные борцы, хозяйственный, подарок* и др. В официальных дискурсах советского времени именно эти выражения употреблялись без кавычек. Здесь демонстрируется якобы чужое слово: на самом деле тональность подобных выражений не соответствует стилистическому облику языка оппонента.

Введение в дискурс единиц "чужого" языка, содержащее намек и ведущее к усложнению смысла, отвечает отмеченным выше критериям косвенности. Однако в силу стандартности приема, а также экспликации (с помощью кавычек) намерения намекнуть такая косвенность легко прочитывается. Кавычки предполагают, кроме того, однозначность интерпретации: усложнение смысла сводится к демонстрации неприятия концептуальной системы и языка оппонента.

Аналогичные функции выполняет использование "чужой" стилистической тональности. В отличие от так называемой демократической прессы, издания КПРФ, как уже говорилось, сохранили установку на официальность. Стилистическое понижение языка затронуло коммунистические издания в гораздо меньшей степени, чем остальные - применительно к ним можно констатировать относительную стилистическую однородность. В тексте же стилистически однородном использование иностилевого языкового средства, являясь отступлением от нулевого уровня, выступает маркером косвенности (на самом высоком уровне абстракции - подчеркнем еще раз - в основе косвенности лежит некое противоречие, отступление от конвенции). Высказывания с разговорными, разговорно-просторечными вкраплениями, использование фольклорной образности представляют собой немногочисленные проявления иронии - косвенной формы выражения оценки:

Рыжков, как орлица птенцов, прикрывал президента от импичмента ("Правда России").

Отметилась и научная интеллигенция ("Красный путь").

Свердловские выборы ставят под сомнение способность второй волны капитализаторов тихо-мирно заменить обанкротившихся "пионеров" радикально-либеральных порядков ("Правда России").

Интересно здесь то, что разговорно-просторечные единицы, взятые вне контекста, зачастую безоценочны или, по крайней мере, лишены однозначной отрицательной оценки:

Все - от хамоватого "демократа" -волгара Немцова до рассудительного дипломата Примакова - на своем месте и со своей миссией являлись частью нынешнего политического режима ("Правда России"). Доренко до такого не додумался бы. И даже Кони - величайший из адвокатов-психологов. А Паца Щермет - смог ("Правда России").

В других стилистических системах выделенные лексемы могли бы задавать фамильярную, дружескую тональность общения. В данном случае стилистическое понижение во всех без исключения дискурсах связано с номинацией политических оппонентов и их действий. О "своих" говорят на "своем" языке. Весьма показателен следующий пример: *Уже сейчас в Сажино секретарь партийной организации Иван Вольф ощутил на себе давление. Стали запускать разговорчики, что, мол, не так он фермой управляет* ("Красный путь").

Итак, в языке коммунистических изданий появляются новые, по сравнению с тоталитарным протоязыком, формы непрямой коммуникации. Оказавшись в положении акратического (оппозиционного к власти) языка, последний не может не реагировать на ту картину мира, которая сформировалась в последнее время. Введение в коммуникацию чужого голоса принимает вид цитации ключевых слов и переключения стилистического регистра.

Названными приемами практически исчерпывается поле иронии в коммунистических изданиях, предпочитающих скрытой форме дискредитации оппонента явные. Языковая игра (неканоническое использование языковых единиц с установкой на эстетическое восприятие последних - Гридина, 1996. С.4) встречается здесь чрезвычайно редко и принимает достаточно прозрачные формы (1) по сравнению с соответствующим приемом в демократической прессе (2): *Самое страшное - в нее были втянуты СМИ, ставшие своего рода СМИрительной рубашкой волеизъявления многих* ("Красный путь").

Под рубрикой "Рейтинг вранья": *Ну и на первом месте -телеведущий Сергей Доренко, который опять начнет выходить в эфире ОРТ со своей аналитической программой. Ее задачей будет, по признанию Доренко, "защищать интересы зрителя". Мы знаем имя этого зрителя. ПРИЗ: гриб подберезовик, на который "голосует" пес АВВА* ("Новая газета").

Установка на экспликацию смысла в коммунистических изданиях реализуется также в заголовках и названиях рубрик. См. характерную рубрику Посмеемся в газете "Правда России", а также заголовки *Не испугались. Не слукавили. Спасибо депутату. С любовью к родной земле. Есть способ выплатить пособия. Заметки о Примакове* ("Красный путь")

Сопоставление двух ЯКМ, в частности по признаку "степень косвенности", логично продолжить, сравнив способы представления одной и той же референтной области. В качестве последней избрана область этики.

Сходство этических фрагментов ЯКМ, пожалуй, ограничивается совпадением главной этической метафоры: и в оппозиционной, и в демократической прессе из всех этических метафор русского языка (высокий - низкий, красивый - некрасивый, светлый - темный и др.) сегодня более других востребован метафорический перенос политика (в исполнении оппонентов) - грязь. Однако функционирование данной метафоры в коммунистических и демократических изданиях имеет свою специфику. В изданиях КПРФ контекст поддерживает в ней исконную осуждающую коннотацию: *В Омске прошла самая грязная и лживая кампания* ("Красный путь"). В демократических изданиях данный прагматический смысл нередко нейтрализуется: метафора здесь чаще, чем в изданиях КПРФ, выступает в качестве термина (грязные технологии, отмывание грязных денег) либо разрабатывается в ином, чаще всего ироническом, стилистическом ключе: *В западной прессе продолжается бурное обсуждение зафиксированного случая отмывания российских денег российской же организованной преступностью. Прачечным делом как будто руководили из Кремля ("Новая газета"). Окружение Ельцина будет использовать самые разнообразные методы. Как смеется сам А. Волошин, "чистые, суперчистые, грязные и супергрязные" ("Московский комсомолец").*

Различий в представлении этического аспекта изображаемой действительности гораздо больше. Прежде всего следует заметить, что этические категории занимают далеко не одинаковое место в сопоставляемых моделях мира, что является еще одним свидетельством того, что власть и оппозиция в своих изданиях репрезентируют разные модели. В оппозиционных (коммунистических) изданиях значимость этических оценок несравненно ощутимее. В категориях этики интерпретируются экономическая и политическая ситуация в стране, деятельность политиков и ее результаты, свои и чужие политические программы. Контент-анализ показывает, что в ряде актуальных жанров: воззваниях, обращениях, лозунгах, программах - этические оценки практически исчерпывают содержание текста. В других жанрах (заявление, интервью, статья, письмо в газету и др.) концепты из области этики помещаются в сильные позиции текста - заголовков, абсолютное начало и абсолютный конец. Приведем примеры заголовков: Циничный подкуп. Честный труд-двигатель прогресса ("Прав-

да России"). Будем ждать торжества справедливости. Предательства в России не прощают никогда ("Красный путь"). См. также образец концовки: Деятельность коммунистов и патриотов Берегового - достойный пример для подражания ("Красный путь"). Этическое поле в изданиях КПРФ организуется выраженной оппозицией добро - зло, а преобладающими частными этическими оценками являются оппозитивы честный - вор и честный - лжец. На лексико-семантическом уровне члены оппозиции представлены главным образом прямыми номинациями. Так, тематическую группу вор образуют следующие единицы: вор, жулик, махинации, грабеж, обобравшие (всех нас олигархи), ограбленный (народ), наворованные (деньги), разграбленные (богатства страны), воровать, спереть, прибрать к рукам, поймать за руку. Тематическая группа лжец также представлена широким списком прямых номинаций: брехуны, клеветники, ложь, дезинформация, искажение правды, обман, байки, подтасовки, лживый, фальшивый, обманывать и обманываться, лицемерить, врать, одурачить, изолгать, до того договориться, что... С интенциональной точки зрения высказывания с этическими предикатами представляют собой обвинение и осуждение или, при противоположном знаке оценки, одобрение и похвалу.

Демократическая пресса избегает прямых этических оценок, предпочитая им рациональные. Показательно следующее высказывание из "Московского комсомольца": *Ему/Примакову/ нужно "всенародное доверие", то есть победа с колоссальным преимуществом*. Автор очевидно отстраняется от речевого клише тоталитарного языка (дистанцирование подчеркивается ксенопоказателем) и интерпретирует его в терминах политических дискурсов нового времени. Заметим: в кавычки заключается этический предикат. Вообще использование этической лексики нередко сопровождается маркерами косвенности (прежде всего разного рода несоответствиями). В результате высказывания, содержащие данную лексику, теряют дидактичность. В следующем примере резкая смена стилистического регистра в первой реплике выдает иронию:

- *Это что - душевная щедрость?*
- *Мне денег хватает ("Аргументы и факты").*

Шутливый и даже фамильярный тон высказываний с этическими предикатами, невозможный в той модели мира, которая представлена в оппозиционной прессе, - обычное дело в демократических СМИ. См. пример заголовка из омской газеты "Ваш ореол" *Генерал удивился и пристыдил*, где обыгрывается вполне серьезный по тону фрагмент информационной заметки: *Николаев заявил, что ему стыдно за то, что на губернаторское кресло омичи не смогли выдвинуть ни одного достойного кандидата*. Очевидно, что заголовок понижает прагматическую ценность этической оценки, содержащейся в предикате. Любопытно, что Дистанцирование от прямых этических оценок автор заметки демонстри-

рует еще раз, используя кавычки: *...генерал надеется, что омичи сумеют найти и выдвинуть в органы местной власти людей, "не чуждых чести и морали"*.

Сопоставление этических фрагментов ЯКМ, моделируемых политическими оппонентами, подтвердило первоначальные наблюдения о наиболее существенных языковых различиях между соответствующими моделями в целом.

Язык, генетически восходящий к так называемому тоталитарному языку, сохраняет присущую последнему установку на официальность общения и неприятие языковой игры, а также откровенную дидактичность. Преобладающая стилистическая тональность обусловила небольшую степень косвенности, а доминирующая интенция - высокую частотность этических предикатов. Факт концентрации этических предикатов в газетных материалах в доперестроечный период интерпретировался бы как присущая публицистике открытая оценочность, а весьма невысокий уровень косвенности - как такое качество текста, которое отвечает прагматическому требованию доступности. Сегодня тот же речевой феномен квалифицируется как редукция смысла. Действительно, если косвенность обуславливает усложнение смысла, стимулирует ассоциации, активизирует поиск логических связей между явлениями действительности в сознании адресата, то ее отсутствие имеет прямо противоположный результат. Это во-первых. Во-вторых, всякая оценка (интерпретация) находится в отношении дополнительной дистрибуции к информативной составляющей текстового содержания. Этические предикаты, будучи "супероценками", к тому же обуславливают высокий уровень абстракции текста. В этом смысле положение усугубляется тем, что данные предикаты нередко сочетаются с именами, имеющими неконкретную референцию: *Враги России стремятся не только присвоить народные богатства - они жаждут сломить наш дух* ("Правда России"). Таким образом, "доступной" оказывается выраженная эмоция. Мыслящий же читатель испытывает недостаток информации.

В ЯКМ, моделируемой демократическими изданиями, картина прямо противоположная. Относительно низкая частотность этических предикатов связана здесь с демонстрацией объективности изложения, при которой информативное начало преобладает над интерпретативным. Отмеченные выше особенности функционирования этих предикатов позволяют предполагать, что говорящий отстраняется от патетики, которая усматривается им в использовании таких слов, как ложь, кошунство, клеветник и им подобных в их прямых словарных значениях. Тем самым он дистанцируется от языка политического оппонента. С другой стороны, стилистическое понижение этических предикатов косвенно свидетельствует о соответствующем понижении значимости этических категорий в системе ценностей говоря-

щего, поскольку известно, что отношение к слову есть показатель отношения к понятию.

Сделанные в настоящей статье наблюдения, как нам кажется, привлекают внимание к стилистическим аспектам косвенности. Последние специально не изучались, хотя взаимосвязь стиля и косвенности замечена. Так, эту проблему, со ссылкой на М.М. Бахтина, поднимает В.В. Дементьев: "Косвенность - предельная (или зачаточная) форма стиля" [Дементьев, 1999. С. 40]. В этой статье мы описали несколько частных явлений в рамках обозначенной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

Барт Р. Война языков // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.

Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.

Дементьев В.В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи. Саратов, 1997.

Дементьев В.В. Вторичные речевые жанры: онтология непрямой коммуникации // Жанры речи-2. Саратов, 1999.

Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания // Вопр. языкознания. 1983. №6.

Дюбуа и др. Общая риторика. М., 1986.

Жельвис В.И. Инвектива в политической речи // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь, 1995.

Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996.

Мурзин Л.Н. Полевая структура языка: фатическое поле // Фатическое поле языка. Пермь, 1998.

Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1997.

Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.